

ЖЕЛАНИЕ КАК КРИТЕРИЙ ПОСТУПКА В ТЕОРИИ Ж. ЛАКАНА

Зайцев Константин Леонидович,

кандидат философских наук,

доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения

Новосибирского государственного университета экономики и менеджмента,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 5б;

практикующий психоаналитик

ORCID: 0000-0002-7723-1312

k.zaitsev.nsk@ya.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования основных положений этики желания Ж. Лакана, предложившего как новую теорию желания, так и новую этику, которая ориентирована желанием как критерием поступка. Реконструируется система доводов Ж. Лакана, которые доказывают, что желание может быть рассмотрено как критерий поступка, а не только как его мотив. В работе показано, что этика желания, которая первоначально была разработана применительно к проблеме критерия аналитического акта, имеет значение и для этической позиции пациента и, следовательно, может быть представлена как универсальная этика. Также приведены аргументы в пользу того, что психоаналитическую работу можно рассматривать как этическую практику, поскольку в ней имеет место преобразование этической позиции пациента. Первоначально пациент занимает этическую позицию, которая может быть определена как стремление к достижению блага, что вело бы субъекта к удовлетворению, утешению и покою. Психоанализ же открывает перед пациентом иную этическую перспективу, критерием движения по траектории которой выступает желание.

Прежде всего речь идет о желании аналитика. Желание аналитика – это особое образование, которое формируется в результате собственного анализа. Лакан полагал, что психоаналитик зависит от своего собственного анализа, одним из основных эффектов которого является желание аналитика. Желание аналитика служит для аналитика критерием совершения аналитических актов в его психоаналитической практике.

Но этика желания имеет значение не только для психоаналитика. Задача автора состоит в том, чтобы показать, что пациент, который пришел в анализ ради терапии, также совершает в процессе анализа преобразование этической позиции. Это является основным условием психоаналитической терапии. Основной целью психоанализа является исследование бессознательного желания, в результате которого пациент становится анализандом

и получает возможность столкнуться со своим желанием и следовать ему. Следовать желанию означает решиться отказаться от перспективы удовлетворения и сделать ставку на то, что противится покою и завершенности и что можно определить как жизнь.

Ключевые слова: этика желания, желание, желание аналитика, этика, благо, метонимия, метафора, психоанализ.

Библиографическое описание для цитирования:

Зайцев К.А. Желание как критерий поступка в теории Ж. Лакана // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 3, ч. 1. – С. 215–229. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-215-229.

В самом общем смысле поступком принято называть сознательное, свободно мотивированное действие, которое имеет значение для кого-либо и в силу этого побуждает определенное отношение к себе [1, с. 435]. Главной особенностью поступка является то, что поступок, в отличие от обычного действия или поведенческого акта, обязательно имеет нравственное значение, поскольку содержит моральное содержание и подлежит моральной оценке. По большому счету, поступок является наиболее существенным проявлением морали, способом выражения морального сознания.

В поступке принято выделять три необходимых структурных элемента: субъективное побуждение, или мотив, условия его совершения и объективированный результат [1, с. 435]. Таким образом, желанию традиционно отводится место субъективного побуждения поступка, и соответственно при оценке поступка прежде всего подлежит оценке само желание, которое может оправдать поступок или выступить основанием для его порицания. Иначе говоря, само желание, его качество подлежит нравственной оценке в первую очередь. Если желание, мотивирующее поступок, будет признано нравственным, то и побужденный им поступок может претендовать на положительную нравственную оценку.

В поисках этического критерия поступка в первую очередь сомнению подвергается само желание, поскольку его принято противопоставлять долгу или необходимости как более вескому основанию для поступка. Признаки этого мы находим в самой расхожей обывательской максиме, звучащей как «мало ли чего ты хочешь, делай как надо». В этом суждении обнаруживает себя противопоставление желания как чего-то эгоистичного, крайне субъективного, т. е. чего-то такого, что можно было бы назвать капризом, и некоего долга, вытекающего из объективной необходимости некоего поступка, как правило, опирающегося на идею общего блага, т. е. чего-то такого, что выступает благом для всех и для каждого одновременно.

Такая постановка вопроса возникла не случайно и не как плод отвлеченных размышлений о природе нравственных законов. Она родилась, как ни стран-

но, из клинической практики, из практики лечения так называемых невротических расстройств. Как известно, первоначально невротические расстройства мыслились исключительно как особый род психических расстройств, но очень скоро стало понятно, что их первопричина носит характер конфликта, одной из сторон которого являются требования культуры [16].

Это хорошо иллюстрируется клиническими случаями. Так, молодой мужчина жалуется на то, что в межличностных отношениях он чувствует себя скованно, ему мешают «блокирование, которое проявляется в различных областях» и принимает формы «заикания», «тупой и холодной боли», проблемы в процессе совокупления [13, с. 11], беспокойства при встрече с людьми, отвращения к любым видам деятельности, несмотря на то что это любимые виды деятельности пациента [13, с. 13]. В приводимых симптомах легко опознается действие неких психических механизмов, призванных обеспечить соблюдение субъектом этических норм.

Радикальная новизна позиции Ж. Лакана в отношении этического статуса желания заключается в том, что само желание он рассматривает как этическое мерило поступка. Иначе говоря, если поступок совершен в соответствии с желанием субъекта, то поступок должен быть признан этически обоснованным. При этом желание не подлежит оценке с позиции его качеств, поскольку желание в силу своей природы не имеет таких качеств, которые бы подлежали нравственной оценке. Желание само и придает этическую значимость поступку. И, наоборот, поступок, совершенный вопреки желанию, теряет свою этическую значимость.

В настоящей работе ставится цель доказать, что в этической части учения Ж. Лакана желание рассматривается как этический критерий поступка. Иначе говоря, совершаемый субъектом поступок может быть квалифицирован как этически обоснованный, если субъект, совершая его, следовал своему желанию, или иначе: поступок, совершаемый по желанию, является поступком законным.

Этический аспект учения Жака Лакана не в первый раз становится предметом рассмотрения. Попытки осмыслить этику желания делались не только применительно к психоаналитической практике [19, 23], но и шире, применительно к этической проблематике вообще [4, 21]. А. Киршнер так характеризует работу Лакана «Этика психоанализа»: она «...возможно, представляет собой наиболее далеко идущую попытку вывести всеобъемлющую этическую позицию из психоанализа» [20, с. 1224].

Одной из первых работ на русском языке в этом направлении стала диссертация И. С. Кудряшова [6], в которой автор сосредоточился на классификации лакановской этики, в том числе в одной из глав предпринял реконструкцию места желания в ней. Кроме того, к настоящему времени на русском языке издана книга А. Зупанчич [4], в которой она интерпретирует лакановскую эти-

ку как этику реального, что невозможно без детального анализа и определения желания. В специальной психоаналитической литературе на русском языке встречаются публикации, где желание рассматривается в контексте желания аналитика, то есть как критерия аналитической практики [7, 14]. Вместе с тем желание с точки зрения рассмотрения его как критерия поступка в широком контексте еще не рассматривалось ранее исследователями.

Обычно этическая подозрительность в отношении желания диктуется определением желания как вожделения частного блага, блага для себя, в то время как настоящая добродетель – это следование общему благу. Указанное противопоставление между частным и общим тем не менее исходит из общей посылки, что благо, будь оно частным или общим, – это то, что побуждает желать. На этом основании зиждется утверждение о том, что мотив как эквивалент желания – это опредмеченная потребность [3, с. 43].

Как известно, Аристотель начинает свою «Никомахову этику» с того, что полагает благо как то, к чему стремятся все [2, с. 54]. Кратко его логика имеет следующий вид: всё сущее стремится к полноте своего существования, стремится к совершенству, качеством которого обладает только одна божественная Вещь, неподвижно расположенная в центре всего, выступающая притягивающей к себе причиной движения, к которой и стремится всё сущее. Эта божественная Вещь и является благом как таковым, в котором нуждается сущее, будучи каждая сама по себе недостаточной, несовершенной вещью.

Можно сказать, что данная идея продолжает господствовать до настоящего времени. Во всяком случае, мы можем ее обнаружить в современных психологических теориях мотивации, в которых мотив понимается как опредмеченная потребность [3, с. 43], а сама потребность – как нужда в недостающем для удовлетворения благе [5, с. 25].

Первоначально схожая логика обнаруживается и в психоанализе, где место Верховного Блага занимает так называемая Вещь, *das Ding* – особый привилегированный объект влечения, выступающий фантазматическим центром психического мира младенца, прототипом которого выступает мать. Отношения младенца и его матери служат прообразом отношения субъекта с Благом как таковым [11] прежде всего в силу того, что мать выступает для младенца залогом его выживания, источником и гарантом удовлетворения всех его витальных потребностей.

Подход Ж. Лакана к пониманию желания принципиально иной. Желание – это не вожделение блага, желание вообще не выводится из блага. *Желать и стремиться к благу – это два принципиально разных режима существования.* Не введя это принципиальное различие, невозможно будет далее понять, как возможно понимание желания как критерия поступка.

Корни этики блага, как уже было сказано выше, берут начало в утверждении, что всё живое стремится восполнить недостаток ресурсов, необхо-

димых для продолжения жизни. Вместе с тем возникает необходимость во внешнем принудительном регулировании такого стремления, поскольку на практике оказывается невозможным найти меру удовлетворения потребностей. И дело даже не в невозможности определения меры удовлетворения, знаками которого худо-бедно может выступать двоичная шкала удовольствия-неудовольствия, а в том, что удовольствие как эффект удовлетворения не в состоянии служить ориентиром для приспособления субъекта к реальности. Именно в клиническом опыте психоанализа стала очевидна проблема, что удовлетворение потребностей не способно служить основанием для выработки у человека способности распознавать объективную реальность как главное условие адаптации. Как бы странно это ни звучало, но проблема приспособления человеческого детеныша к реальности и возрастание его способности к самообслуживанию и самообеспечению как критериям взрослости, по сути, оказывается проблемой этической, точнее, решение этой проблемы носит характер этический. Психоаналитики обнаружили, что зависимость младенца от матери как первоначального источника всякого блага оборачивается тем, что без отделения от матери у него не возникнет соответствующих навыков, делающих его автономным. Следовательно, без запрета на связь с матерью, т. е. мерой исключительно этической, отделение младенца недостижимо. Более того, запрет этот не просто общественная норма, но, прежде всего, интрапсихический механизм, обеспечивающий способность будущей взрослой особи быть автономным.

3. Фрейд показывает как на материале клинического опыта, так и на примере работ антропологов [18], что запрет на инцест (а именно он, по мнению Фрейда, явился прообразом всякого закона) – это не просто запрет кровосмешения, это запрет на получение удовлетворения как такового. Так Фрейду на основе психоаналитического опыта удалось сформулировать основной сюжетобразующий конфликт становления человека, и это конфликт этический – запрет на приближение к объекту верховного блага, способному удовлетворить потребности. Под действием запрета, который воплощается в психическом механизме вытеснения, образ полного удовлетворения переходит в разряд неосознаваемого фантазма, который тем не менее дает о себе знать и имеет последствия для человека, структурируя его стремление стать счастливым, но довольствуясь на этом пути лишь эрзацами, заместителями Верховного Блага.

Таким эрзацем блага служит симптом, который З. Фрейд определил как компромиссное образование, позволяющее получить удовлетворение, не нарушая запрета. Нагляднее всего этот механизм можно представить на примере действия сновидения. Исследуя сновидения, З. Фрейд совершает открытие, которое состоит в том, что в сновидении сновидцу в зашифрован-

ном виде является его желание [16]. Другими словами, желание, с одной стороны, ему является, с другой – оно остается неузнанным, а потому и неудовлетворимым. Фрейд открывает два способа шифрования желания: сгущение и смещение. Как позже покажет Ж. Лакан, сгущение – это не что иное, как механизм метафоры, а смещение – метонимии [8]. То есть удовлетворение желания не просто запрещено, а невозможно в силу того, что субъект никогда не может получить доступа к тому объекту, который мог бы желание удовлетворить, потому что тот облик, в котором желаемое является субъекту, например, в сновидении, всегда имеет облик чего-то другого. Иначе если субъект и может рассчитывать на удовлетворение, то всегда на удовлетворение с помощью чего-то другого. Вещь или тот объект, который мог бы принести удовлетворение, явлен нам метафорически, т. е. представлен заместительным объектом – метафорой. Иными словами, логика блага – это логика стремления получить удовлетворение желания с помощью какого-то вполне определенного объекта, который выступает метафорой, заместителем Вещи, абсолютного блага. Это и есть пресловутая «морковка», за которой вынужден бежать «осёл» из известной притчи. В каком-то смысле таким «ослом» является пациент, который неизменно разочаровывается «морковкой», но, кроме нее, ему больше ничего не доступно. В определенном смысле любое этическое учение, созданное до сих пор, это производные спора о «морковках», то есть о том, какое благо полезнее или какое ближе к абсолютному благу. В этом смысле предметы блага, которые являются, с одной стороны, представителями блага как такового, с другой – выступают предметами, преграждающими чрезмерное приближение к нему, иными словами, тем что не допускает полного удовлетворения.

Таким образом, механизм метафоры – это есть форма запрета, форма удержания дистанции между субъектом и запрещенным благом как таковым, запрета на полное удовлетворение.

В психоаналитической практике мы обнаруживаем этику блага, совпадающую с этикой Аристотеля, как бы странно это ни было, в запросе пациента, обращающегося к психоаналитику в поисках облегчения своего страдания: «Скажите, как мне поступить правильно (чтобы получить удовлетворение)?». Лакан назвал это «требованием счастья» [11, с. 372]. Ответ на «требование счастья» – это поддержание иллюзии пациента, поддержание симптома, поддержание ложной надежды на то, что поиск блага увенчается удовлетворением. Суть психоаналитического акта не может состоять в том, чтобы «разрешить» пациенту то, на что наложен фундаментальный запрет в духе популярной психологической максимы: «Делай, что хочешь». Ложность такого простого пути состоит в том, что на пути поиска удовлетворения можно обнаружить только запрет, который имеет вид подлога, метафоры, обмана: *следуя за благом, будешь получать*

всегда не то, а неминуемое разочарование будет неминуемо провоцировать перезапуск цикла нового поиска.

Однако дело тут не только в разочаровании. Механизм метафоры, подлога осуществляет поддержание запрета на удовлетворение (вытеснение) не только в силу действия запрета на инцест, но и в силу того, что удовлетворение – это смерть. В своих рассуждениях в «По ту сторону принципа удовольствия» [17] Фрейд убедительно демонстрирует, что если помыслить удовлетворение в пределе, то его достижение необходимо будет означать для живого организма смерть. *Тогда этика блага, устроенная на основе логики метафоры и в силу этого запрета на удовлетворение, – это этика запрета смерти, или, иначе, этика поддержания минимально возможного удовлетворения.* Не этот ли изнаночный смысл обнаруживает аристотелевский этический идеал воздержанности?

Лакан совершает радикальный пересмотр концепции желания. Он определяет желание как нехватку [10, 11]. С одной стороны, его подход наследует кожевскому определению человеческого желания, согласно которому человеческое желание – это всегда желание желания, в отличие от животного желания, которое всегда желание недостающего объекта. Другими словами, желание – это нечто, что не дано изначально в качестве одного из предметов бытия, желание – это не присутствие, а отсутствие, которое стремится быть, т. е. желание характеризуется как бы переходным состоянием из небытия в бытие, оно стремится быть. «Желание возникает в момент воплощения своего в речь, возникает вместе с символическим строем» [10, с. 332]. Это позволяет Лакану иначе прочесть «Толкование сновидений». А что если работа сновидения состоит не в том, чтобы скрыть запрещенное желание, а, наоборот, дать желанию как нехватке место осуществиться? [10]. Но если желание не существует актуально, а только в виде нехватки бытия, как бы виртуально, то для того чтобы быть, быть признанным, оно должно обрести хоть какую-то определенную форму. Изобразительные средства, которыми обладает бессознательное, метафора и метонимия, и выступают теми взаимными способами, благодаря которым желание обретает хоть какую-то форму бытия. Лакан указывает, что сновидение не является галлюцинацией, воплощающей тот объект, в котором якобы нуждается сновидец в реальности, а, скорее, изображает желание как таковое, как функцию желать. Именно поэтому, замечает Ж. Лакан, «...сняты истощенному голодному человеку не корка хлеба и стакан воды, которые бы удовлетворили его в действительности, а раблезианские пиршества» [10, с. 320]. Именно поэтому желание, прежде всего желание сексуальное, но не потому, что желание – это желание секса, а в силу того, что сексуальное желание не имеет своего объекта, то есть желание, которое невозможно изобразить, прибегая к аналогии желаемого объекта. «И в самом деле, сексуальному желанию в нашем опыте

ничего объективированного не соответствует» [10, с. 318]. Определенность желанию придают изобразительные средства речи, одной из форм которых сновидение и является. Определенность желанию придается механизмом метафоры, фактически подстановки на место доселе не воплощенного желания. Однако, придавая желанию определенную изобразительную форму, метафора вносит тот самый эффект обмана (цензуры, запрета), который направляет субъекта в поиске желания по ложному следу блага, оборачивающегося всегда не тем.

В отличие от метафоры, которая придает желанию завершенную форму, то есть форму предметного блага, метонимия функционирует иначе. Метонимия не изображает желание, а дает ему займы свою структуру, свое устройство. Метонимия возникает не из замены одного другим, а из следования означающих элементов языка одного за другим [8] таким образом, что никогда не обретает законченного смысла. Пока длится речь, смысл сказанного постоянно ускользает в недоговоренности. Именно таким образом функционирует желание, как ускользающий метонимический сдвиг, побуждающий говорить (желать) еще и еще.

Структура метонимии, таким образом, определяет структуру желания как всегда незавершенного, сопротивляющегося удовлетворению как своей остановке.

Однако структура желания интересует Лакана не сама по себе. Он ищет критерий, в соответствии с которым возможно было бы выстроить аналитический акт. Выше уже приводился пример проблемы – с ней сталкивается любой практикующий пси-специалист, к которому обращается страдающий с запросом о помощи, неизменно принимающим форму «требования счастья». Мы показали, что «требование счастья» диктуется не чем иным, как этикой блага. Лакан убедительно показывает, что отвечать на «требование счастья» пациента всегда ошибочно, сколь бы ни были совершенными и выверенными возможные советы относительно путей обретения счастья или получения удовлетворения. Ошибочность эта обусловлена тем, что любой совет не будет учитывать главного условия – желания субъекта, поскольку, как мы уже показали вслед за Лаканом, желание в этот момент еще не существует, поскольку «возникает в момент воплощения своего в речь». Другими словами, позиция пси-специалиста может быть полезной для пациента лишь в той мере, в какой она может способствовать сначала воплощению желания в речь и лишь затем в поступок, который только в этом случае будет свободным поступком, обусловленным желанием субъекта, а не волей другого.

Иначе говоря, психоаналитическое лечение – это лечение этическое, практика преобразования этической позиции пациента. Позиция «требования счастья» как выражение этики блага в процессе анализа преобразуется в этику следования своему желанию. И чтобы такое преобразование

было возможно, позиция аналитика также не может основываться на этике блага. Психоаналитику требуется критерий, в соответствии с которым он мог бы соотносить свои действия и в качестве которого Лакан полагает желание аналитика.

Теперь мы можем перейти к разбору ключевого вопроса, который заключается в том, как может быть желание критерием поступка. Именно желание аналитика послужит нам моделью, позволяющей это понять.

Желание аналитика – это то, что обретается анализандом в процессе прохождения своего анализа, который можно условно представить в виде этапов. На первом этапе страдающий человек выступает в качестве пациента в изначальном смысле этого слова – как «претерпевающего». *Как это ни странно, но страдание, которое претерпевает человек, носит изначально характер этический, по крайней мере, когда речь идет о невротическом страдании.* Общая формула невротического запроса, обращаемого к любому психиатру, как правило, принимает следующий вид: «Скажите, как мне стать лучше?» В каждом конкретном случае эта свернутая форма запроса разворачивается всякий раз по-разному, но может быть сведена к этой обобщенной форме. Страдание при этом выполняет роль некоего последствия собственного несовершенства, например, наказания за определенного рода мысли или невозможность отношений с другим из-за своей «нехорошести» [11, 13].

Как правило, такой этический ригоризм пациента является следствием того особого способа укоренения в речи, который осуществляется в глубоком детстве и который представляет и выражает собой способ связи с другим. Если анализ протекает удачно, то пациенту удастся изменить свою позицию в отношении собственной речи на позицию, которую можно назвать позицией исследователя. Именно к этому направляет знаменитое основное правило анализа говорить всё, что приходит на ум. Постепенно пациент становится исследователем своей собственной речи и приобретает вкус к анализу как таковому, то есть уже не с позиции избавления от симптома, а особого желания, которое Лакан назвал желанием аналитика. «Желание аналитика не является желанием в чистом виде. Это желание добиться абсолютного несовпадения – несовпадения, которое возникает тогда, когда субъект, с первоначальным означаемым сталкиваясь, оказывается впервые в положении его, этого означаемого, субъекта, подлежащего, подданного» [12, с. 292].

Другими словами, желание аналитика выступает своеобразным ориентиром, в опоре на который аналитик сможет выстраивать аналитический акт таким образом, что он, во-первых, не будет являться помехой самоанализу пациента, а во-вторых, будет направлен на его единственную цель – добиваться несовпадения субъекта с первоначальным означаемым, под

которым субъект вошел в первоначальную материнскую речь, был в нее вписан в качестве подлежащего. Думается, именно поэтому Ж. Лакан вносит существенную корректировку в понимание интерпретации как аналитического акта, которая с этого момента приобретает характер разреза, наносимого на речь пациента. В противоположность пониманию интерпретации как придания нового («истинного») смысла высказыванию пациента, интерпретация-разрез служит высвобождению субъекта от смысла, от того смысла, который буквально диктуется (произносится вслух по *написанному* или *предписанному*) субъектом и субъекту, чем и достигается несовпадение, как то, что составляет желание аналитика.

Важным отличием желания аналитика как критерия аналитического акта является то, что аналитический акт не утверждает иного смысла для пациента, не ориентирует его на предполагаемое скрытое значение, а лишь сталкивает с несовпадением. Несовпадение имеет потенциал размыкания, возможности, а значит, работает на то, чтобы анализанд смог достичь большей свободы действия, не предавая свое желание.

Итак, мы установили, что психоанализ может быть представлен как практика преобразования этической позиции. Одним из эффектов такого преобразования является образование аналитика, то есть субъекта, чья этическая позиция обусловлена желанием аналитика, которое выступает основной предпосылкой для осуществления собственной практики в качестве аналитика. Но какой эффект имеет преобразование этической позиции для анализанда, который не задается целью практиковать в качестве аналитика? Может ли желание служить тем критерием, с которым субъект может соотносить свой поступок?

Подводя итог седьмого семинара, Ж. Лакан выражает это таким образом: «Единственное, в чём человек ... может быть виновен, так это в том, что он поступился своим желанием» [11, с. 406], предал свое желание, когда согласился обменять его на перспективу удовлетворения благом. Это нас подводит к следующему шагу в определении этики желания, этики субъекта желания как такового.

Лакановский подход к определению сущности желания в корне меняет перспективу его соотношения с поступком. В этой перспективе желание предстает не только тем, что может быть помыслено как мотив, движущая сила поступка, но и тем, что задает этическое измерение поступка. «При пересмотре этики, к которой нас приводит психоанализ, воспользоваться в качестве эталона отношением поступка к обитающему в нём желанию» [11, с. 398]. В аристотелевской перспективе желание – это то, что уводит человека с пути добродетели, как бы прельщая его естественной притягательностью блага для себя. Ведь для того чтобы ориентироваться благом общим, благом как таковым, приходится совершать усилия, в отли-

чие от следования собственному, частному, эгоистичному благу. Но если желание – это не то, что производится влечением к благу, пускай в качестве блага ошибочного, но всё же блага по своей природе, а нечто такое, что к благу не сводимо ни в каком его виде, то следовать желанию означает решиться следовать чему-то такому, что не обещает вознаграждения (удовлетворения). Наоборот, следовать своему желанию означает решиться отказаться от перспективы удовлетворения и сделать ставку на нечто принципиально неуловимое, неопределенное, незавершенное, на то, что не может быть сведено к чему-либо сущему, что противостоит свершенности и конечности и что может в силу этого быть соотнесено с жизнью как таковой. Такой способ мышления Лакан назвал мысленным экспериментом, который «...состоит в том, чтобы рассматривать вещи в перспективе, как я выразился, Судного Дня, то есть при пересмотре этики, к которой нас приводит психоанализ, воспользоваться в качестве эталона отношением поступка к обитающему в нем желанию» [11, с. 397].

Таким образом, психоанализ, будучи изначально методом лечения и оставаясь им, но идущий «к своей цели путем возвращения к смыслу поступка» [11, с. 397], оказался способен вернуть поступок в этическое измерение там, где, казалось бы, этическое измерение должно было быть окончательно утеряно, – в перспективе следования своему желанию.

Таким образом, мы эксплицитовали доказательства того, что в этической концепции Ж. Лакана желание выступает этическим критерием поступка.

Желание при этом следует понимать не как желание какого-либо блага (т. е. желания как опредмеченной потребности), а как беспредметного стремления, движимого нехваткой своего бытия и избегающего своего удовлетворения. Желание – это всегда желание еще чего-то, подобно речи, которая не ищет последнего смысла, но ищет метонимического продолжения.

Именно такое желание и способно выступить критерием поступка, поскольку поступок, следующий такому желанию, никогда не станет проступком, то есть отступлением от закона, закона, который воспрещает удовлетворение, выступающее в своей полной форме смертью, т. е. свершенностью.

Литература

1. Анисимов С.Ф. Поступок // Словарь философских терминов. – М.: Инфра-М, 2005. – С. 435–436.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4 – С. 53–294.
3. Виллюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
4. Зупанчич А. Этика реального: Кант, Лакан. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – 334 с.

5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
6. Кудряшов П.С. Этика психоанализа в работах Жака Лакана: дис. ... канд. филос. наук / Ин-т философии и права СО РАН. – Новосибирск, 2011.
7. Коттэ С. Желание аналитика // Международный психоаналитический журнал. – 2011. – № 1. – С. 134–156.
8. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. – М.: Рус. феноменол. о-во: Логос, 1997. – 184 с.
9. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955). – М.: Гнозис: Логос, 2009. – 520 с.
10. Лакан Ж. Семинары. Кн. 5. Образования бессознательного (1957/1958). – 2-е изд. – М.: Гнозис: Логос, 2018. – 608 с.
11. Лакан Ж. Семинары. Кн. 7. Этика психоанализа (1959–1960). – М.: Гнозис: Логос, 2006. – 416 с.
12. Лакан Ж. Семинары. Кн. 11. Четыре основных понятия психоанализа (1964). – 2-е изд. – М.: Гнозис: Логос, 2017. – 416 с.
13. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Случай Герберта Брайена. – М.: ИОИ, 2015. – 185 с.
14. Сейнаев Б. Перенос и желание аналитика // Международный психоаналитический журнал, 2021. – № 9. – С. 73–83.
15. Фрейд З. набросок психологии: критически-историческое исследовательское издание. – Ижевск: ERGO, 2015. – 190 с.
16. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
17. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. – М.: Просвещение, 1990. – С. 382–425.
18. Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 351–392.
19. Busiol D. Desire and enjoyment in psychoanalysis // Lacanian Psychoanalysis in Practice: Insights from fourteen psychoanalysts. – London; New York: Routledge, 2022. – P. 61–83.
20. Kirshner L.A. Toward an Ethics of Psychoanalysis: a critical reading of Lacan's Ethics // Journal of the American Psychoanalytic Association. – 2012. – Vol. 60, N 6. – P. 1223–1242.
21. Nobus D. The Law of Desire: On Lacan's "Kant with Sade". – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – 175 p.
22. Richardson W.J. Ethic and Desire // The American Journal of Psychoanalysis. – 1987. – Vol. 47, N 4. – P. 296–301.
23. Wilson M. The Analyst's Desire: The Ethical Foundation of Clinical Practice. – London: Bloomsbury Publishing Inc., 2020. – 234 p.

Статья поступила в редакцию 21.01.2022.

Статья прошла рецензирование 10.03.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-215-229

DESIRE AS A CRITERION OF AN ACTION IN THE THEORY OF J. LACAN

Zaitsev, Konstantin,

Cand. of Sc. (Philosophy)

Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Law

Novosibirsk State University of Economics and Management,

56 Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation

Practicing Psychoanalyst

ORCID: 0000-0002-7723-1312

k.zaitsev.nsk@ya.ru

Abstract

This article presents the research results of Jaque Lacan's ethics of psychoanalysis. Lacan suggested both the new theory of desire and the new ethics which is motivated by a desire as a criterion of an action.

In this article the author reconstructs the Lacan's system of arguments, which proves the fact, that desire can be considered as a criterion of an action, not its motive. This paper shows that the ethics of desire, that was originally developed in relation to the problem of the criterion of an analytical act, is also important for the ethical position of the patient, and therefore can be presented as a universal ethic.

The article also provides evidence that psychoanalytic work can be considered as an ethical practice, since there is a transformation of the ethical position of the patient in it. Initially, the patient takes an ethical position that can be defined as the desire to achieve the good, it would lead the subject to satisfaction, comfort and tranquility. On the other hand, psychoanalysis reveals a different ethical perspective to the patient, where the desire defines how the patient chooses the path.

First of all, this is about the analyst's desire. This term means a special formation that was resulted by the analyst's own analysis. Lacan believed that a psychoanalyst is the result of his/her own analysis, one of the main effects of which is the analyst's desire. The analyst's desire serves as a criterion for the analyst to perform analytical acts in his/her psychoanalytic practice.

But the ethics of desire is important not only for the psychoanalyst. The author's task is to show that a patient who came to the analysis for the sake of therapy also performs the transformation of an ethical position in the process of analysis. This is the basic condition of psychoanalytic therapy. The main purpose of psychoanalysis is the study of unconscious desire, as a result of which the patient becomes an analysand and gets the opportunity to face his/her desire and follow it. To follow the desire means to decide to abandon the perspective of satisfaction and to bet on what is opposed to peace and completeness, and what can be defined as life.

Keywords: ethics of desire, desire, analyst's desire, ethics, good, metonymy, metaphor, psychoanalysis.

Bibliographic description for citation:

Zaitsev K. Desire as a Criterion of an Action in the Theory of J. Lacan. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 215–229. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-215-229.

References

1. Anisimov S.F. Postupok [Act]. *Slovar' filosofskikh terminov* [Glossary of philosophical terms]. Moscow, Infra-M Publ., 2005, pp. 435–436.
2. *Aristotle*. Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]. Aristotle. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, pp. 53–294. (In Russian).
3. Vilyunas V.K. *Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka* [Psychological mechanisms of human motivation]. Moscow, MSU Publ., 1990. 288 p.
4. Zupančič A. *Etika real'nogo: Kant, Lakan* [Ethics of the Real. Kant and Lacan]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2019. 334 p. (In Russian).
5. Il'in E.P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 512 p.
6. Kudryashov I.S. *Etika psikhoanaliza v rabotakh Zhaka Lakana*. Diss. kand. filos. nauk [Ethics of psychoanalysis in the works of Jacques Lacan. PhD of philosophical sci. diss.]. Novosibirsk, 2011.
7. Kotte S. Zhelanie analitika [The Analyst's Desire]. *Mezhdunarodnyi psikhoanaliticheskiy zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 134–156. (In Russian).
8. Lacan J. *Instantsiya bukvy v bessoznatel'nom, ili Sud'ba razuma posle Freida* [The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., Logos Publ., 1997. 184 p. (In Russian).
9. Lacan J. *Seminary*. Kn. 2. «Ya» v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza (1954/1955) [Seminars. Bk. 2. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis, 1954–1955]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2009. 520 p. (In Russian).
10. Lacan J. *Seminary*. Kn. 5. *Obrazovaniya bessoznatel'nogo (1957/1958)* [Seminars. Bk. 5. Formations of the Unconscious (1957/1958)]. 2nd ed. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2018. 608 p.
11. Lacan J. *Seminary*. Kn. 7. *Etika psikhoanaliza (1959–1960)* [Seminars. Bk. 7. The Ethics of Psychoanalysis (1959–1960)]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2006. 416 p. (In Russian).
12. Lacan J. *Seminary*. Kn. 11. *Chetyre osnovnye ponyatiya psikhoanaliza (1964)* [Seminars. Bk. 11. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis (1964)]. 2nd ed. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2017. 416 p.
13. Rogers C. *Konsul'tirovanie i psikhoterapiya. Sluchai Gerberta Braiena* [Counseling and psychotherapy. The case of Herbert Bryan]. Moscow, IOI Publ., 2015. 185 p. (In Russian).
14. Seynhaeve B. Perenos i zhelanie analitika [The Transfer and The Analyst's Desire]. *Mezhdunarodnyi psikhoanaliticheskiy zhurnal*, 2021, no. 9, pp. 73–83. (In Russian).
15. Freud S. *Nabrosok psikhologii: kriticheskii-istoricheskoe issledovatel'skoe izdanie* [A Project for a Scientific Psychology]. Izhevsk, ERGO Publ., 2015. 190 p. (In Russian).

16. Freud S. *Vvedenie v psikoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 456 p. (In Russian).
17. Freud S. Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Beyond the Pleasure Principle]. Freud S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of Unconscious]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, pp. 382–425. (In Russian).
18. Freud S. Totem i tabu [Totem and Taboo]. Freud S. «Ya» i «Ono». *Trudy raznykh let*. Kn. 1 [The Ego and the Id]. Tbilisi, Merani Publ., 1991, pp. 351–392. (In Russian).
19. Busiol D. Desire and enjoyment in psychoanalysis. *Lacanian Psychoanalysis in Practice: Insights from fourteen psychoanalysts*. London, New York, Routledge, 2022, pp. 61–83.
20. Kirshner L.A. Toward an Ethics of Psychoanalysis: a critical reading of Lacan's Ethics. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 2012, vol. 60, no. 6, pp. 1223–1242.
21. Nobus D. *The Law of Desire: On Lacan's "Kant with Sade"*. Cham, Palgrave Macmillan, 2017. 175 p.
22. Richardson W.J. Ethic and Desire. *The American Journal of Psychoanalysis*, 1987, vol. 47, no. 4, pp. 296–301.
23. Wilson M. *The Analyst's Desire: The Ethical Foundation of Clinical Practice*. London, Bloomsbury Publishing Inc., 2020. 234 p.

The article was received on 21.01.2022.

The article was reviewed on 10.03.2022.